

Литературный Сатирический и
Юмористический
Журналъ
КОЛОТУШКА

№ 1. [1911]

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ

Цѣна 3 коп.

Подписная цѣна: на 1 годъ 2 руб. на шесть мѣсяцевъ 1 руб. на три мѣсяца 60 коп.

Плата за объявленіе: впереди текста 40 коп. послѣ текста 20 коп. за строку пята.

Контора и редакція: г. Тверь. За Тверцою Сергѣевская улица, д. Никольской.

Контора открыта ежедневно отъ 12 до 3 час. Редакція для личныхъ объясненій по средамъ отъ 12 до 2 час.

Рукописи, должны быть написаны четко, на одной сторонѣ листа, снабжены подписью и адресомъ автора и могутъ быть исправляемы по усмотрѣнію редакціи, а присланныя безъ обозначенія условій гонорара считаются безплатными. Обратію рукописи въ коемъ случаѣ не возвращаются.

Трудный вопросъ.

Дурныя послѣдствія хорошей жизни.

— Неужели и этотъ выходъ, не дастъ мнѣ хорошей квартиры и пары рысаковъ?

Былъ когда-то коммерсантомъ,
Дѣлалъ оборотъ,
И имѣлъ съ десятокъ тысячъ
Годовой доходъ.
Сто рублей, считалъ грошами,
Годъ тому назадъ...
А теперь и безъ закуски,
Сотку выпить радъ.

Другу.

Намъ съ тобой не до веселья,
Не до пѣсенъ намъ съ тобой
Мы измучены работой
И придавлены нуждой.
Пусть другіе веселятся,
Пусть стаканами звенять!...
Пусть ихъ тѣшить и прельщаетъ
Женщинъ праздничный нарядъ!
Мы пройдемъ потупя взоры
Мимо праздничныхъ людей,
Въ уголь свой, гдѣ много горя,
И заботы и скорбей.
Можетъ быть и мы сквозь слезы
Тамъ съ другими запоемъ?
Можетъ быть и мы сивухой
Горе горькое, зальемъ?
Можетъ быть и грубыхъ женщинъ
Грубой лаской наградимъ?
Но ужъ такъ, какъ тѣ, свободно
Не вздохнемъ мы, не одинъ!
Не способны мы къ веселью,
Словъ намъ нѣжныхъ не сказать...
Мы умѣемъ лишь работать,
Да безропотно страдать.

Петръ Зайцевъ.

Счастливъ я.

Счастливъ я! — не слыша въ жизни
Чтобъ меня кто проклиналъ,—
Что послѣдній кусокъ хлѣба
Я у ближняго отнялъ,—
Что себѣ добра желая,
Наблюдая свой карманъ,—
Поощряю тунеядство,
Поощряю и обманъ...
Счастливъ я! Что не причастенъ
Къ той плеядѣ темныхъ силъ,
Кто на бѣдности народа
Много золота скопилъ,—
Кто любя семью родную
И для собственныхъ дѣтей,
Обижаетъ у малютокъ—
Ихъ голодныхъ матерей...
И горжусь я! Что трудами
Добываю свой кусокъ!
И мозольными рублями
Не богатъ мой кошелекъ!...

Петръ Зайцевъ.

Царапкинъ.

Вмѣстѣ съ первыми весенними проталинами, Царапкинъ, выходилъ на улицу, и поглядывая въ поле, цѣлые дни сидѣлъ на заваленкѣ, дожидаясь прилета грачей.

И какъ только покажутся первые пернатые гости юга, какъ онъ бомбою влеталъ въ свою избу, и становясь около двери кричалъ.

— Прилетѣли!!!

— Кто?—Спросить его жена.

— Грачи!

— Что они денегъ тебѣ принесли?

— Дура! небрежно бросить Царапкинъ, и снова бѣжить на улицу.

Весь этотъ день, онъ какъ полоумный, бѣгаетъ по деревнѣ... заходить чуть-ли не въ каждый домъ—и вездѣ сообщать о прилетѣ грачей, и о томъ, что ему пора ѣхать въ Питеръ.

Ужъ поздно вечеромъ, усталый и радостный, онъ возвращался домой, и развалился на соломенной постели, начинать разговоръ съ женою.

— Ну, Катюха?! теперь отмучались... Грачи прилетѣли. Надо ѣхать, будетъ валяться, безъ дѣла?...

— Что съ грачами, что безъ грачей, одинъ прокъ въ тебѣ,—Апатично отвѣчаетъ Катерина.

Нѣтъ, не одинъ!.. стараться буду,—пить не буду—басить Царапкинъ.

— Каждый разъ, такъ говоришь, а дай двугривенный, сейчасъ и въ шинокъ? рокоталъ голосъ Катерины.

— Нѣтъ, шабашъ! больше не буду...—сказалъ не буду,—и не буду!—увѣщавъ онъ ее.

— А какъ думаешь, какое мнѣ пальто купить?—мѣховое или ватное?—дѣлая серьезное лицо, спрашивалъ онъ, что-бы поддержать разговоръ съ нею.

— А мнѣ что?... Что оно грѣть меня будетъ?

— Дура! тебя спрашиваютъ, и ты должна сказать!

— Я тебѣ сто разъ говорила, а толку не на грошъ,—такъ молчать лучше.

— Царапкинъ, сдѣлавъ обиженную мину, закуривъ цыгарку, и уже не обращаясь къ Катеринѣ продолжалъ начатый имъ разговоръ.

— Куплю, мѣховое... Ботики. Шапку хорошую!... Наряжусь и пойду въ церковь,—что твой старшина!... А староста дряннѣ... заплаточникъ, хуже меня.

Довольный своими мечтами, и тѣмъ, что ему не перечили, Царапкинъ, вскорѣ засыпалъ и убаюканная его храпомъ Катерина, тоже ложилась въ постель, и слѣдовала примѣру мужа.

А на второй день, Царапкинъ, вооружившись топоромъ и лопатой, съ ранняго утра суется около дома.

То, снѣгу покидаетъ отъ избы, то дрова переложить на новое мѣсто, то на крышу влѣзетъ, поглядѣть такъ-ли лежатъ жерди, и такъ цѣлый день работаетъ, и не нарабатается.

— Что ты Михаила какой старательный сталъ?—Спросить его, какаянибудь сосѣдка.

— Въ Питеръ скоро уѣду!—скоговоркой пробасить тотъ,—и снова начинается перекладывать дрова на новое мѣсто,—и такъ безъ конца.

Въ одно прекрасное утро, Царапкинъ исчезалъ изъ деревни, лишь изрѣдка доходили слухи о немъ, что онъ такъ же бурлитъ какъ и прежде, перемѣнилъ уже нѣсколько хозяевъ, и не предвидя ничего хорошаго въ будущемъ, ругаетъ Петербургъ съ его кабаками, и собирается въ деревню.

Въ одинъ изъ теплыхъ августовскихъ вечеровъ, и только, что окончилъ работу и собирался идти на улицу,

чтобы на заваленкѣ своей избы, расправить закороченныя отъ долгаго труда, члены своего тѣла, и подышать свѣжимъ воздухомъ.

Вдругъ чья-то рука раскрываетъ раму, и въ окнѣ показывается узкое, загорѣлое, лицо Царапкина.

Гули,—гули,—гули,—гули,—
 Меня въ Питерѣ надули,
 Проработалъ я за такъ,
 Значить полный я дуракъ!

Неожиданное появленіе Царапкина, и его пьяная пѣсня, разстроили мой отдыхъ, а избу наполнили охрипшими, грубыми звуками, нарушивъ ласковую тишину вечера.

А полчаса спустя, мы сидѣли за столомъ у щипкаря; передъ нами стояла бутылка вина, и лежалъ ломоть хлѣба... насъ было четверо.

— Пришелъ я домой! рассказывалъ Царапкинь, снялъ шапку Богу помолился, а потомъ и говорю.

— Здорово, жена?

— Иди, говорить къ черту!

— На что говорю сердиться?

— Какъ не сердится на тебя идола, бить тебя надо говорить, при такой-то нуждѣ да пьянствуешь, безбожникъ ты окаянный, погибели на тебя нѣту.

— Что спрашиваю тебѣ надо?

— Денегъ,—говорить!

— На что тебѣ денегъ? когда я самъ на лицо, ну и пошло.

— Ты говорить и совѣсть потерялъ, вонъ у воротъ всѣ гвозди вывалились, а тебѣ и нестыдно.

— Стыдъ,—не дымъ, глаза не ѣсть!— а если тебѣ стыдно? то накройся.

— Да вѣдь послѣднюю овцу украдутъ! разиня ты питерская.

— Ну, и пускай украдутъ,—говорю, и не жалко! потому она одна, да и то однорогая.

— Вѣрно дружекъ!—Вѣрно ты говоришь,—однорогая,—поддакивали Илюшка-горшокъ, и Ерема, сидѣвшіи вмѣстѣ съ нами.

На улицѣ была уже ночь, когда мы расплатившись за водку, отправились по дѣмамъ. Царапкинь уже сильно охмелѣвшій сперва ругалъ, свою однорогую овцу, потомъ жену и питеръ, а послѣ этого и себя.

И съ этого дня, потянулись скучныя, сѣрыя дни, для Царапкина, одинъ безотраднѣе другого, вплоть до первыхъ весеннихъ проталинъ и прилета грачей.

Петръ Зайцевъ.

Неосторожная.

— Вы слышали, Бамбошкинь опять уличилъ жену свою въ невѣрности?

— Это скандалъ! Я не понимаю, какъ она, можетъ быть такъ неосторожна.

9.

т.

т.

т.

т.

Примѣрный мужъ.

Лакей (въ ресторанѣ.)

Что сударь вамъ угодно?

Мужъ (женѣ) Катечка, что мнѣ угодно?

Отъ чего?

Отъ чего болитъ душа?

Отъ чего такъ сердце ноетъ?

Если жизнь не хороша?

То и жить тогда не стоитъ!

Или самъ я хилъ и слабъ,—

Или жить я не умѣю?

И предъ будущемъ какъ рабъ

И страшуся и робѣю...

Отъ чего такъ жалко тѣхъ—

Кто обиженъ такъ судьбою:

Кто презрѣнъ у всѣхъ,

Вызываетъ лишь собою.

Кто съ нуждой да нищетой

Съ колыбели породнися,

И предъ сытою толпой

Силой воли не гордился...

Кто о счастья никогда

Въ своей жизни не мечтаетъ!

И прошедшіе года

Лишь съ тоскою вспоминаетъ...

Что мнѣ жалкій ихній видъ!

Ничего кажись не значить?

Только сердце все болитъ,

А душа какъ будто плачетъ.

Петръ Зайцевъ.

Изъ разговоровъ двухъ бабъ.

1-я— Только я съ горы-то мать ты моя, а онъ за мною!... Я это, къ лѣсу ближе, и онъ туды!... Я въ лѣсъ и онъ тоже?!

2-я— Ахъ страсти какія ну-у?

1-я— Ну, я, и сѣла.

2-я— А онъ што??

1-я— Извѣсно сѣлъ!

2-я— Ну, а потомъ што?

1-я— А потомъ дура ты, вотъ што!

2-я— Сама ты дура.

Бабы расходятся.

Призывъ.

Въ чащу сада, гдѣ вѣтвями

Ель зеленая шумитъ,

Гдѣ прозрачными лучами

Мѣсяцъ горы серебрить,—

Какъ наступить ночь сѣдая,

Ель уставшая заснетъ,—

Приди, моя родная?

Приди, въ знакомый гротъ?

Тяжесть думъ, какъ тяжесть платья

Обросить съ плечъ не позабудь.

Упади въ мои объятья

На пылающую грудь.

Что-бъ потомъ съ улыбкой ясною,

Съ легкой краскою стыда,

Вспомнить ночь, какъ мигъ

прекрасной

Не оставившей слѣда.

Петръ Зайцевъ.

Въ ожиданіи.

Послѣ битвы.

Много сотокъ, сороковокъ,
Храбро онъ сразилъ,
И уставшій въ полѣ брани
Мирно опочилъ.

Закрутился, завертѣлся, ошалѣлъ,
Все давно пустилъ по вѣтру, что имѣлъ.
Презирая и приличье и металлъ,
Ждетъ знакомыхъ, кто-бъ на сотку ему—далъ.

Пѣсня.

Какъ пойду-ли я въ кабакъ,
Подрумянюся,
И съ женою-сатаной,
Поругаюся!
Ужъ какъ буду-ли я жить
Припѣваючи,
И тебя змѣя,—жену
Презираючи!
Все, скажу тебѣ, въ глаза
Свое горюшко,
Какъ сгубила ты меня—
Мою долюшку!
Я скажу какъ ты гулять—
Все охотишься...
О нарядахъ лишь однихъ
Ты заботишься!
Я скажу какъ ты со мной
Все ругаешься
При сосѣдяхъ и друзьяхъ,
Изнываешься!—
Какъ со мной ты веѣхъ родныхъ
Перессорила,
И съ нуждою и съ тоской
Познакомила.
Я скажу, что жизнь съ тобой,—
Жизнь холодная
Не жена ты а змѣя!
Подколотная!

Петръ Зайцевъ.

Сеора.

Эй, Кирюха!
Дай ей, въ ухо!
Чтобъ она,
Спотыкнулась—
По-перхнулась,
Сатана!
Чтобы знала,—
Волчье сало
Нашу прыть!
Что мы смѣемъ—
И умѣемъ
Больно бить...
Что-бъ не смѣла,
То и дѣло,—
Намъ пѣнять
Что Вавилу—
Заманили,—
Мы гулять...
Я отъ дряни,
Слушать брани,—
Не люблю!
Все тамъ были,
И пропили,—
По рублю!
И Данила,
И Вавила,
И бурлакъ...
Ну-ка, встань-ка!
И достань-ка!—
Ей колпакъ!

Петръ Зайцевъ.

Экономная.**Съ вами быть.**

Съ вами быть,—какое счастье,—
Въ глазки чудныя смотрѣть,
Наслаждаться ихъ игрою,
И такъ сладко, сладко млѣть.

И заботы, и печали
Что тревожатъ часто насъ,
Все утонетъ въ вашихъ глазахъ,
Все померкнетъ, хоть на часъ.

И глядя на вашу юность
Размягчается душа...
Такъ и хочется сказать вамъ,
Боже, какъ вы хороша!

Петръ Зайцевъ.

— Я хочу съэкономить своему мужу на поѣздку за границу,

— На чемъ именно?

— Отдамъ все свои юбки передѣлать на шаровары.

Получилъ.

— Такой пустяшный долгъ и вы забыли о немъ... вѣдь это даже совѣстно!

— А вамъ не совѣстно помнить о такихъ пустякахъ?!

Б—ъ.**Современная пѣсня.**

Матушка родимая,
Какъ мнѣ съ горемъ быть?
Вышла мода новая
Страшно говорить!

Прежде каждой новости
Рады были мы,
А теперь подумай-ка!
Мода на штаны?

Надо вѣдь у папеньки,
Денегъ мнѣ просить.
Кружиться головушка,
Какъ мнѣ говорить?..

Просто не придумаю
Хоть сходи съ ума,
Помоги родимая!
По-проси сама?

А не то отсталыми
Можемъ мы прослыть,
Будемъ козь по старому
Безъ штановъ ходить!

Волынцевскій.**Въ недалекомъ будущемъ.**

Жена.—Петя, пойдемъ сегодня въ театръ, я хочу посмотреть новую пьесу.

Мужъ.—Скажи лучше, что хочешь показать новые штаны!

**Не быть-бы счастьемъ-да
нужда помогла.**

Мужъ уѣхалъ у Матрены
Зарабатывать оброкъ.
Знать ужъ быть грѣху такому
Что въ деревнѣ былъ шинокъ.
Какъ-то Ванька, поздно ночью
Вышелъ съ „мухой“ изъ шинка,
Встрѣтивъ съ ведрами Матрену
Далъ ей легкаго пинка.
(Если хочетъ кто въ деревнѣ
Въ дружбу съ женщиной войти,
То толкай ее по чаще,
Иль въ затылокъ закати!)
Разсмѣялась молодая
Отъ любезности такой,
И проворно окатила
Молодца она водой.
Смѣтилъ дѣло, тутъ Ванюха.
Мокрый съ ногъ до головы—
Сталъ проситься,—посушиться,
У соломенной вдовы!...

А потомъ?!

Потомъ извѣстно,
Весь до ниточки сухой
На развѣтъ, по задворкамъ
Онъ прошелъ къ себѣ домой.
Да и послѣ ужъ частенько
Намочившейся въ шинкѣ,—
Онъ показивалъ сушиться
На кисейномъ рукавѣ.
А не будь шинка въ деревнѣ!
Да не будь и податей?
Не видать бы парню счастья
У разлапушки своей.

Волынцевскій.

Русско-нѣмецкое недоразумѣніе.

Дѣйствіе происходитъ на небольшой коробочной фабрикѣ. Всюду масса бумаги, легковоспламеняющихся обрѣзковъ и на стѣнахъ печатныя афишаги съ надписью: „Курить строго воспрещается“.

По мастерской проходить хозяинъ-нѣмецъ. Вдругъ онъ начинаетъ поводить носомъ и осматривать рабочихъ: онъ почуялъ запахъ папироски.

Взглядъ его падаетъ на одного изъ рабочихъ, недавно поступившаго. Хозяинъ подходитъ къ нему, толкаетъ его въ спину и говорить:

— Эй, ти! Послушай!

— Что прикажете?

— Скажи мне: это ти кириль?

— Такъ точно!—отвѣчаетъ рабочій, котораго зовутъ Кириль.

— А! Тебѣ это тошно, а мне не тошно! Карашо! Карашо!!!

И хозяинъ сердито уходитъ съ своею „контору“.

Въ день, когда назначена выдача платы, хозяинъ объявляетъ рабочему:

— Ти есть на три рубль штрафъ!

Рабочій вытаращиваетъ глаза.

— Штрафъ? Это за что-же, помилуйте?

— Но ти—кириль!

— Такъ точно! А только за что-же тутъ штрафовать?

— А! Ти еще спрашивалъ! Мольшить! Ти — кириль, тебѣ есть штрафъ...

— Да вы объясните, за что штрафовать-то?

— Нюнъ, за то и есть штрафъ, што кириль!

— Помилуйте, виданное-ли дѣло, чтобы ва это штрафовать?

— Я не финовата, ешели, ти кириль...

— Да и я не виновать! Это ужъ мои родители!

— Не твой родитель кириль, а ти кириль? Кто кириль—у насъ есть штрафъ!

— Въ такомъ разѣ мнѣ и работать у васъ невозможно! А отчего-же вы Кирилла Сидорова не штрафуете?

— Сидорова? она—не кириль!

— Ей-Богу-съ, Кирилл! Только, можетъ, онъ вамъ вретъ насчетъ своего имени?

— Какой имени? Я тебѣ говорю, што она—не кириль... Я не видалъ, што она кириль, а у тебе я нюхилъ табакши димъ и спрашивалъ тебѣ: „ти кириль“? И ти кавариль, што ти кириль...

— Рабочій понимаетъ недоразумѣніе и деревенщеть. (Б.)

Казмъ.

Изъ хроники и происшествій.

Ужаенный случай.

I.

Чиновникъ Кокардинъ, прийдя со службы, къ себѣ на квартиру, въ отсутствіе жены своей, случайно наткнулся на спрятанную трехъ-рублевку. И глубоко оскорбленный тѣмъ, что его дражайшая половина, кое-что, отъ него, скрываетъ, моментально потянувшись на себя пальто; и... скрылся въ ближайшую пивную. Отъ куда его уже поздно ночью извеликли еле живаго.

Волынцевскій.

Геніальность русскаго купца.

II.

Хлѣбный торговецъ, Мѣшковъ, прийдя къ себѣ въ лавку, замѣтилъ, что нѣкоторыя мѣшки, съ мукою, порочены мышами, и обладая присущею каждому порядочному купцу „смѣлкой“. Онъ тутъ-же распорядился сдѣлать выемку, изъ каждого мѣшка по 10 фунтовъ, въ расчетъ на то, что мыши не будутъ уже увлекаться полностью ихъ, чемъ и оставить въ покоѣ, ретивое купецкое сердце.

Онъ-же.

Несчастный случай.

III.

Наша Галя захромала,
Захромала такъ, немножко,
Поскользнулася, упала,
Подвернулася значить ножка.
Почему-же такъ случилось?
Тутъ встаетъ вопросъ тревожный,
Если Галя оступилась,—
Значить путь здѣсь невозможный,
Коль ломають ноги дамы;
Говорятъ знать не напрасно?
Что такъ плохи тротуары,
И ходить по нимъ опасно!

Бова Королевичъ.

БРЫЗГИ.

Безсовѣстный.

— Митя, о чемъ ты сейчасъ думаешь?

— О томъ же, Катя о чемъ и ты.

— Безсовѣстный, хоть бы мнѣ то объ этомъ не говорилъ!

Заговорились.

— Встрѣчаются двѣ сплетницы.

— Анна-то Петровна отличилась, слышали?

— А что?

— Отъ супруга своего улетѣла.

— То-то, она говорила у ней летучій ревматизмъ завелся, сколько не билась, а все-таки улетѣла сердешная.

Быстро растеть.

— Развѣ это ваша дочь?... Какая большая!

— Да, растеть быстро каналья!

— То есть какъ это?

— Да такъ, какъ я женился, всего пять лѣтъ прошло а ей уже половина шестого.

Посердствовалъ.

Какой-то желѣзнодорожный администраторъ отдалъ приказъ, чтобы кондукторы вѣрной ему дороги были какъ можно любезнѣе съ публикой. Черезъ недѣлю къ нему является хорошенькая дамочка съ жалобой.

— Чѣмъ могу служить, сударыня?

— Помилуйте, вчера меня вашъ кондукторъ обнялъ и поцѣловалъ.

— Какъ вы смѣли?!—Набросился на виновнаго директоръ.

— Да вѣдь вы сами же приказали намъ быть полюбезнѣе.

А.

Въ Канцеляріи суда.

— Ваша жалоба не можетъ быть принята. Вы можете обжаловать рѣшеніе суда въ кассационномъ порядкѣ... Подайте кассационную жалобу,—не касаясь самаго существа дѣла.

— Какая-же это кассация, коли нельзя касаться? И почему-же это онъ могъ меня касаться, ударить меня по мордѣ—а я касаться его не могу?

Какой же это судъ равный будетъ?!

А.

Утро весной.

Рано проснувшись въ сѣяньѣ красивомъ
Солнце на землю взглянуло...
Талыя рѣки, проталинки—дымомъ
Утреннимъ дымомъ стянуло.
Облачко легкое тянется къ солнцу,
Дымомъ окрашено, глянуло въ рѣку...
Чутко ударился въ мутность оконца
Солнечный лучъ къ человѣку.
Будить настойчиво, будить мятежно.
Страстью цѣлуется и шепчетъ: „вставай,
Снова трудись и киркой ненадежной
Въ шахтѣ руду добывай!
Скройся отъ солнца и въ шахтѣ глубокой
Молотомъ мѣрно—настойчиво бей!...
Свѣтъ тебѣ чуждъ. Въ лабиринтѣ далекомъ
Темная вѣчность ночей“.
Солнце весеннее рано проснулось.
Глянуло внизъ, улынулось.

Нозль.

Въ судѣ.

Судья.—Вы сказали, что купецъ Сиволдаевъ плутъ и мошенникъ. Правда-ли?

Обвиняемый. Правда,—то правда, но я этого не сказалъ.

Справочныя и полезныя свѣдѣнія.

Варка шоколада.

Взять плитку шоколада, разломать на мелкіе кусочки, развести въ небольшомъ количествѣ воды на легкомъ огнѣ, затѣмъ добавить, по желанію, воды или молока, смотря по количеству шоколада (1 стаканъ на порцію шоколада), вскипятить два раза. Плитка шоколада вѣсомъ $\frac{1}{4}$ ф. состоитъ изъ 6 частей, каждая такая часть вѣситъ 4 зол., на порцію берется отъ 2-хъ до 3-хъ такихъ частей. Хорошій шоколадъ никогда не густѣетъ, даже въ томъ случаѣ, когда варится продолжительное время, что, однако, вредно отзывается на его ароматѣ.

Приготовление шоколада съ пѣной.

Chocolat en mousse légère.

Для полученія легкаго, пѣнящагося шоколада его слѣдуетъ варить въ мѣдной луженой шоколадницѣ. при чемъ дно должно быть шире верха; въ нее, т.-е. въ шоколадницу, вставляются мутовки,—менѣе, чѣмъ отверстіе шоколадницы,—кстормой снимаютъ пѣну. Шоколадъ можно варить на молокѣ или на сливкахъ, на чашку шоколада требуется около $\frac{1}{8}$ ф. хорошаго шоколада, потребное количество молока прибавляется, смотря по числу лицъ или чашекъ. При большомъ количествѣ чашекъ (на вечерахъ или балахъ) шоколадъ готовится въ кастрюлькѣ и понемногу переливается въ шоколадницу. Большое количество пѣны достигается верченіемъ мутовки между ладонями. Когда мы имѣемъ достаточное количество пѣны для требуемаго числа чашекъ, шоколадъ переливаютъ въ нагрѣтыя чашки (чтобы образовалась кора, которая поддерживаетъ пѣну).

ПРОВИНЦІЯ.

Тверское зеркало.

Р а е н ъ.

Слѣзь сегодня съ печи я,
Рано безъ запинки,
Что-бъ потѣшить молодцовъ,
Показать картинки!
Кто смотрѣть на нихъ охочъ,
Кто охочъ смѣяться,
Надо къ самому райку
Ближе подвигаться!

Картина первая.

Вотъ наша улица Милліонная,—сонная!
Идешь и видишь, какъ купцы въ магазинахъ зѣваютъ, да покупателей ругаютъ,—
Что они рѣдко ихъ навѣщаютъ да мало обновокъ покупаютъ.
А зайдя къ нимъ и обдерутъ; даромъ что скучно живутъ,
Сразу карманъ очищаютъ, значить скуку на покупателяхъ вымѣщаютъ,
Вотъ такъ ловко!
Въ ротъ имъ съ паклей веревка!

Картина вторая.

Тоже новая.—но не веселая
Кто хочетъ нажить себѣ бѣды, пускай тотъ сходить въ ряды—
Испытаетъ какъ тамъ покупателей зазываютъ и ругаютъ!
Шелъ я, какъ то, старухѣ поясокъ купить, а они набросились и давай меня тащить, такъ за армякъ и дерутъ,—а сами орутъ!
Я было къ стѣнѣ прижался,—испужался!
Ну, думаю, пришелъ мнѣ капутъ, а они такъ на меня, и прутъ!
Потомъ въ магазинъ втащили, стали показывать мнѣ, шубы да брюки,—а у меня такъ и трясутся руки.
Покупай говорить,—дѣдъ? А я имъ баю денегъ нѣтъ! Ну они и давай ругаться,—вотъ грѣхъ-то братцы?
И было-же у меня тревоги, вырвался я, да и давай Богъ ноги!

Страсть какъ напужался,—насилу отдышался!

Ну, друзья, теперь пока
Будетъ. Прощайте,
И за сказки старика,
Послѣ не ругайте.
Что я мало рассказалъ,
Вѣдь не все-же сразу.
Пригодятся мнѣ они,
Для другого раза.

* * *

Приобрѣлъ себѣ братцы,
Скороходы—сапоги,
Ужъ теперь со мной тягаться
И машина не моги!
Верстъ по тысячи—и больше
Въ день я буду обходить,
Въ городахъ большихъ и малыхъ
За порядками слѣдить.
Всѣ, не правыя дѣянія,
Громко буду обличать!
А обиженныхъ и бѣдныхъ
Мѣткимъ словомъ защищать,
Встану завтра я пораньше,
Да и съ Богомъ въ дальній путь,
Что-бъ на темныя дѣлишки
Люда русскаго взглянуть.
Все, неправое и злое
На картинки срисовать,
Что-бъ потомъ честному люду
Въ воскресенье показать.

Дѣдушка отъ лазури.

Объявленія.

Открыта подписка
на 1911 годъ
НА

Литературный,
Сатирический и
Юмористический

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ

„КОЛОТУШКА“

Журналъ будетъ выходить по слѣдующей программѣ:

1) беллетристика, 2) стихи, 3) новости русской и иностранной жизни, 4) сатира и юморъ. 5) рисунки и карикатуры, 6) справочныя и полезныя свѣдѣнія, 7) объявленія.

Цѣль журнала: дать за небольшую плату интересное чтеніе, и массу полезныхъ совѣтовъ, необходимыхъ какъ въ жизни, такъ и въ хозяйствѣ.

Подписная цѣна на 1 годъ—2 руб.
на $\frac{1}{2}$ года—1 руб.
съ пересылкою. на 3 мѣсяца—60 коп.

Адресъ редакціи и конторы
г. Тверь. За Тверцою, Сергіевская ул., домъ Нинольской.

Редакторъ-издатель П. Е. Зайцевъ.

ГОТОВИТСЯ КЪ ПЕЧАТИ
НОВАЯ КНИГА
Петра Зайцева
Разсказы и пѣсни.

Покупаю книги
ДОРОЖЕ ВСѢХЪ

Поповка В. Е. Горѣлову.

Редакторъ-издатель П. Е. Зайцевъ.

МАГАЗИНЪ
Ивана БАБАНОВА.

Трехсвятская у., д. Барановой.

Все для весенняго сезона!
ПЛИШЫ, ВѢЛЫЕ, ГАЛОСТУКИ, ПЕРЧАТКИ,
ЗОНТЫ, ПАЛКИ, ОБУВЬ
СОБСТВЕННОЙ МАСТЕРСКОЙ
ЦѢНЫ ДЕШЕВЫЯ.

МАГАЗИНЪ
„Новый базаръ“
Я. Е. КАЛАШНИКОВА.

Хлѣбная площадь, д. Лебедевскаго

Получены

большія партіи свѣжихъ товаровъ
для музыкальнаго,
игрушечнаго и
галлантерейнаго
ОТДѢЛОВЪ.

!!! ЦѢНЫ ДЕШЕВЛЕ ВСѢХЪ !!!

ПРОДАЖА БЕЗЪ ЗАПРОСА.

На дняхъ откроется
САРАТОВСКІЙ МАГАЗИНЪ
Сарпинокъ и другихъ
Модныхъ тканей
ШЕЛКОВЫХЪ, ШЕРСТЯНЫХЪ и БУМАЖНЫХЪ.
Ярославское полотно
КОВРЫ, КЛЕЕНКИ, СКАТЕРТИ, ОДѢЛА.
Громадный выборъ!
ЦѢНЫ ДЕШЕВЫЯ!
Милліонная ул., противъ Общественнаго сада.

Ротный фельдшеръ

только вышедшій въ запасъ
ЖЕЛАЕТЪ ПОЛУЧИТЬ ДОЛЖНОСТЬ
при фабрикахъ, аптекахъ, лечебницахъ, или частномъ домѣ
ходить за больнымъ.

Адресъ: Тверь. За Тверцою Сергіевская ул.

Въ редакцію журнала „Колотушка“

ДЛЯ ФЕЛЬДШЕРА.

Тверь. Типографія „Тверской Газеты“.